

18+

Татяна
Чебатуркина

ДОЛГ
ПЛАТЕЖОМ
КРАСЕН

Татьяна Чебатуркина

Долг платежом красен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425669

ISBN 9785449381521

Аннотация

Рано или поздно жизнь ставит перед каждым такие вопросы, ответить на которые порой нужно особое мужество. Главная героиня повести, получив наследство в северной столице, попадает неожиданно в мир загадочного прошлого своих родственников, разгадка которого спряталась за таинственным словом «реинкарнация». Верить или не верить? – вот в чем вопрос. Вспыхнувшее обоюдное чувство любви помогает героям обрести веру в возможное счастье.

Содержание

Глава 1. Нереальность	5
Глава 2. Незнакомец	21
Глава 3. Наследство	35
Глава 4. Тайна	45
Глава 5. Дневник	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Долг платежом красен

Татьяна Чебатуркина

Дизайнер обложки Наталья Ананьева

Редактор Ольга Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2018

© Наталья Ананьева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-8152-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовно – мистический роман

«Творчество является одним из высших свойств мозга. Увидеть мысленно то, чего не было, услышать музыку, которой нет...».

Наталья Петровна Бехтерева, академик, нейрофизиолог

«Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать».

Виктор Цой

Глава 1. Нереальность

Нереальность огромной толпы изнывающих от знойного пекла и жажды, страдающих людей на берегу неожиданно полноводной реки с мутными волнами, непонятный говор и гул множества недовольных голосов, выкрики на неизвестном языке, детский плач и оцепенелое затишье. И вдруг – общий непостижимый вопль из тысяч глоток. На глазах изумленных и замороженных людей поток реки внезапно, словно прегражденный гигантской, невидимой, прозрачной плотиной, устремился вверх, к небесам, а оставшаяся вода через секунды спешно устремилась прочь, дальше, к неизвестному морю, постепенно обнажая неровное дно. Огромные мокрые камни, бьющаяся в водорослях рыба, ракушки, удивленно выглядывающие из тины и песка, – вся эта картина распахнувшегося коридора в речной глубине рядом с рвущейся к небу огромной машиной неудержимой воды, в любую следующую секунду готовой обрушиться на невольных смельчаков, первыми вступивших на неровный непривычный путь, – могла бы испугать любого.

Но любопытство захлестнуло стоявших поодаль, толпа стала неуправляемо давить на впереди стоящих, и вот тоненький ручеек даже самых осторожных, с ужасом глядевших на кипящую, пенную громаду усмиренной воды, постепенно устремился по проходу бегом, стараясь поскорее пре-

одолееть это заколдованное пространство.

Матери с побелевшими лицами прижимали к груди заплаканных детей, готовясь к самой страшной минуте в своей жизни. Сильные мужчины на себе несли слабых изможденных старцев. И, когда последний, спотыкающийся на камнях юнец вступил на благодатный противоположный берег, случилось следующее чудо: рвущаяся на свободу вода низверглась с высоты неподражаемым Ниагарским водопадом, рассыпая вокруг мельчайшей частицы воды, которые в образовавшемся облаке вокруг стремящегося к своему обычному состоянию потока, тотчас же вспыхнули тысячами переливающихся радуг...

Нина, проснувшись, была вынуждена тыльной стороной ладони прикрыть глаза: через разбег двух полотен оконных штор солнечный луч бил уверенно прямо в лицо.

«Вместо будильника команда – подъем! Ведь с вечера собиралась крутить огурцы, пока не жарко на кухне».

Маленькие, аккуратные огурчики теснились в большом пластиковом тазу на полу, банки строились в углу – обычная рапсодия летних заготовок, чтобы утрамбовать в стеклянную тару все, что так старательно растила в собственном, приличном по площади огороде и в разросшемся за домом плодово-ягодном саду.

«Откуда такое яркое впечатляющее видение необычного явления, словно я стояла там, на берегу этой реки в пустыне? Вчерашние телевизионные мелодрамы и близко не мог-

ли дать толчок моему обычному воображению. Нет, ясность и достоверность происходившего в ночном впечатляющем действии говорит только об одном – возможно, когда-то давно, кто-то из моих прародителей были свидетелями необычного чуда. Нужно просмотреть бабушкину Библию».

Память не подвела – в книге Иисуса Навина, в главе третьей прочитала:

«16. Вода, текущая сверху, остановилась и стала стеной на весьма большое расстояние, до города Адама, который подле Цартана; а текущая в море равнины, в море Соленое, ушла и иссякла.

17. И народ переходил против Иерихона; священники же, несшие ковчег завета Господня, стояли на суше среди Иордана твердою ногою. И сыны Израилевы переходили по суше, доколе весь народ не перешел через Иордан».

В этот момент вздрогнул веселым хитом сотовый телефон на окне:

– Нина Сергеевна, зайдите, пожалуйста, к нам в почтовое отделение. На ваше имя поступило солидное заказное письмо из Санкт-Петербурга. Не забудьте паспорт.

Июльское солнце старалось дожечь остатки почерневшей от засухи растительности вдоль раскаленного асфальта пустынной улицы. Машины стремительно прорывались сквозь сгустившийся знойный воздух, словно опасаясь заглохнуть от переизбытка солнечной энергии вдали от дома.

Не утерпела, надорвала плотный белый конверт тут же,

в зале почтового отделения, под потоками холодного воздуха кондиционера:

«Вам необходимо до первого августа текущего года явиться по указанному адресу в нашу нотариальную контору для вступления в наследство».

«Здравствуйте, приплыли! Десятого августа уже выходить из отпуска на работу. Некоторый запас денег, конечно, имеется, оставила НЗ, чтобы вставить пластиковое окно в прихожей попозже, когда станет прохладнее. И в кухне после всех заготовок стоило бы заменить дешевые столетние обои на моющиеся. Но поездка в северную столицу слизнет, подчистит все сбережения. Близких и хороших знакомых в городе нет, в гостинице дешевле, чем за тысячу, не переночуешь. На такую поездку деньги нужно было целый год копить. Но зато будет возможность вдохнуть воздуха путешествия и удивления от сказочных красот необыкновенного града Петра Великого. И что это за наследство вдруг свалилось, неизвестно от кого? Хоть бы с этим наследством не прибыла на мою голову куча долгов. Бьюсь, работаю всю жизнь, как проклятая, а все нормальные крупные вещи удается приобрести только, влезая, в кредиты. Что это за подарок судьбы?».

Вздыхнула, остановилась у старого бабушкиного шифоньера, достала с нижней полки синюю спортивную сумку. Отразилась в начинавшем тускнеть большом внутреннем зеркале: тридцатидвухлетняя учительница в спортив-

ных шортах защитного цвета и застиранной, когда-то белой футболке, с молодежной стрижкой до плеч слегка вьющихся естественно после мытья каштановых волос. Невысокая, без признаков ожирения ладная фигурка, возможно, на каком-нибудь черноморском пляже, да еще в откровенном купальнике, привлечет внимание одинокого мужчины, который испуганно шарахается от прилипчивых несовершеннолетних красавиц. Но рассчитывать на особый успех у противоположного пола в обычной жизни уже не приходится.

Мысленно опять попыталась вернуться к сообщению о наследстве. После смерти бабушки и дедушки больше десяти лет назад как-то незаметно оборвалась связь с далекими родственниками, словно лопнула небесная нить давней привязанности и общности суровой жизни, и раскатились бусины судьбы их детей и внуков, кто куда. Это раньше старшее поколение трогательно хранило в сервантах, в старинных шкапулках пожелтевшие конверты с заветными адресами, а у молодежи сейчас такое нагромождение в телефонах заборов из имен и цифр, что в вечном забеге непрекращающихся дел нет времени помнить всех обязательных и не очень родственников.

Что-то совсем пропала охота тратить время на разборки с будущими маринованными огурцами, хотя зимой никто из детей не откажется от приличной партии замороженных салатов и компотов.

«Ладно, ночь в моем распоряжении еще будет, если удаст-

ся достать билет на завтрашний утренний поезд».

За билетом на попутной маршрутке пришлось тащиться за сто с лишним километров в соседний район на крупную железнодорожную станцию Палласовская, потому что только на ней останавливался скорый поезд до Санкт-Петербурга.

В связи с так называемой оптимизацией производства усердные чиновники в течение последнего десятка лет, не думая о тысячах селян, позакрывали малокомплектные школы на хуторах, больницы в больших селах, фельдшерско-акушерские пункты, железнодорожные станции. Поговаривали даже об укрупнении районов, но пока все немного притихли, ожидая очередных указаний с верхов. Ведь память – такая короткая штука, и некогда заглянуть назад, в исторические справки развития районов, когда каждый новоявленный «наполеончик» в области немедленно начинал размахивать ножницами над доверенной ему территорией, чтобы показать свою власть и перекроить все по-новому. А потом все возвращалось на круги свои обратно, до следующего раза.

«Совсем, как бабуля моя раньше, ворчите, девушка! Ведь все равно ничего изменить не сможешь. Слава Богу, билет в плацкартный вагон на верхнюю полку вырвала с боем у вредной кассирши, выслушав целую лекцию о проблемах летних перевозок. Главное, не проспять утром, и чтобы таксист успел по утреннему холодку домчать до станции!».

В поезде под настойчиво-деловой перестук колес на убегающих назад бесконечных рельсах бездумно таращилась в окно, пока мелькающие зеленые кущи придорожных перелесков не закручивали незаметно в легкую невесомую ткань ускользящих, незапоминающихся сновидений.

Почти автоматически болтала и пила чай с семейной парой возбужденных попутчиков, которые скрипели по поводу дорожающей жизни, безумного многоплодия разрастающихся супермаркетов, невнимания к родителям взрослых детей и внуков. И от их постоянного нытья Нина опять ныряла в спасительное одиночество верхней полки, радуясь, горячим порывам залетающего ветра, вобравшего в себя пыль с хлебных полей от разгоряченных комбайнов, запахи свежескошенной травы в низинах, прохладу речной воды в туманной дымке далекого горизонта.

В телефоне в Интернете опять мелькали назойливые представления с предложениями суперсредств по вылечиванию бородавок, снятию порчи и заговоров, подробности новых разборок известных артистов со своими бесконечными женами.

По привычке зашла на свою страницу в Одноклассниках. Ни к чему не обязывающие виртуальные встречи с бывшими коллегами, порой даже с малознакомыми людьми приучили к поверхностному обмену полезной, изредка интересной информацией.

В разряде гостей вдруг высветилась фотография како-

го-то загорелого незнакомца из Подмосковья. Его испытующий острый взгляд из-под широких бровей, надменно сжатые губы, широкие скулы, слегка вздернутый нос, лохматые, как после потасовки, светлые волосы, невольно заставили затормозить перемотку потока незнакомых лиц.

«Так, общих друзей у него – раз-два и обчелся, в основном, из числа выпускников нашей школы, разбежавшихся из деревни по городам в поисках лучшей жизни. Просится в друзья – да ради Бога! У меня на странице ничего секретного нет! Все лучше, чем бесконечные частные предприниматели, завалившие всю ленту рекламой новых косметических средств. Скрытный чудик, даже год рождения не указал! Может быть, какой-нибудь второклассник фото своего кузена выставил? Сидит в Интернете, когда на улице день уже давно разгулялся. Или пенсионер выставил свою карточку двадцатилетней давности, чтобы людей не пугать». В оповещении высветился так называемый подарок – букет красных роз с надписью: «До новых встреч» – детская наивная развлекаловка для взрослых людей.

Нина рассмеялась почему-то радостно – внимание всегда приятно. Все мы остаемся детьми в душе, и это чувство незащищенности, веры в совершенство всего, что нас окружает, мгновенное погружение в бездну счастливого исполнения желаний, отсутствие злобы и печали – все это, как отголосок прожитой жизни в стране под названием Детство.

Санкт-Петербург встретил проливным, льдистым дождем,

и Нина сразу пожалела, что вместе с зонтиком не догадалась кинуть в сумку пару теплых колготок и кожаную куртку.

Китайские кроссовки промокли через полчаса, пока добиралась до скромного отеля недалеко от Московского вокзала. Джинсы оказались заляпанными сзади неизвестно откуда свалившейся грязью, и пришлось усердно тереть в туалете испорченную ткань неумелой подделки под модный бренд.

Впечатление от встречи с городом на Неве в маленьком номере размазалось по стеклу бесконечно бегущим дождевым потоком. Небо за окном сиротливо темнело сумрачным, застывшим безрадостно, унылым полотном, терпеливо дожидаясь пропавшее за облаками солнце.

В узком, вытянутом кабинете нотариуса, поймав его явно разочарованный взгляд, Нина терпеливо выслушала два старых анекдота про евреев, разглядывая излишне располневшую фигуру стареющего, почти лысого служителя закона. Провинциалка из далекого степного района в дешевых джинсовых брюках и синей спортивной куртке, конечно же, не могла воодушевить этого толстяка на возвышенную беседу о прекрасном городе. Он тщательно изучал, почти носом вынюхивал каждую страницу паспорта, задавал какие-то странные вопросы о троюродной тетке Нины, с места на место перекладывал пухлые папки с документами.

Потом, надев другие очки, монотонно бубнил по тексту малопонятные специфические предложения, объяснив, в конце концов, суть завещания: в вашу собственность пе-

реходит трехкомнатная квартира со всем имуществом в старинном особняке в Приморском районе города, на улице Савушкина и триста тысяч рублей на вкладе в Сбербанке. Так как положенные по закону полгода истекли, она, Нина Сергеевна Соловьева, может вступить в свои права по приему наследства. Необходимые документы будут подготовлены в течение трех дней.

– Вы оставьте, пожалуйста, адрес, где Вы остановились, и номер своего сотового телефона на всякий случай, – упитанный нотариус неожиданно проворно, привычно опираясь на подлокотники старинного кожаного кресла, вылез из-за стола, прикрыл створку пластикового окна, сразу отгородившись от металлического дробного стука капель о цинковую крышу какой-то пристройки, плотно прилепившейся к основному зданию. – У Вас есть знакомые в городе?

– Нет. Но что такое три дня в таком городе, как Санкт-Петербург? Здесь и месяца будет мало, чтобы ознакомиться с его сокровищами! – Нина была в растерянности, если не сказать больше, в полуобморочном состоянии от неожиданного известия, но, глубоко вдохнув, вежливо улыбнулась нотариусу. – А другие наследники не объявятся позже?

Нотариус опять как-то странно, словно сомневаясь, говорить или лучше промолчать, снял очки, посмотрел близоруко на картину в углу, потом опять уставился на спортивную куртку Нины на уровне груди, помолчал и печально добавил:

– Других наследников нет, и не будет. На ваше счастье или

на беду, как знать.

Было понятно, что этот человек явно что-то серьезное скрывает, но природная стеснительность не позволила Нине даже сделать попытку расспросить недовольного юриста. Она покраснела, попрощалась и с невольным облегчением закрыла за собой массивную старинную дверь.

На улице слегка посветлело, но в глубине небесной шири по-прежнему двигались, переплетаясь и сливаясь друг с другом, недовольные, взъерошенные клубки серых туч.

Деревенская здоровая закваска от обоих родителей, лишь во втором поколении ставших сельскими интеллигентами, не позволила Нине романтично хлопнуться в обморок от пережитого потрясения перед петербургским законником, но неожиданность от услышанного перепугала, сразила, заставила мгновенно вспотеть.

«Квартира в северной столице, правда, неизвестно, в каком состоянии, с мебелью и оставшимися от прежних хозяев вещами, деньги на счете в Сбербанке – от такого известия можно было и вовсе свихнуться. Или попрыгать по Невскому проспекту с километр на одной ножке от радости, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих из-под зонтов. Успокойся! Пока не получишь документы и не увидишь своими собственными глазами это мифическое жилище – нечего радоваться. А то, еще лучше, запросят с тебя миллионы за оформление сделки, а у тебя на карточке – минимальная сумма всего с тремя нулями, и придется искать

в городе какую-нибудь временную работу на рынке, чтобы благополучно вернуться домой на поезде. А пока, дорогая моя, заверни-ка ты в ближайшуюпельменную и разорись на порцию сибирскихпельменей со сметаной и стакан крепкого чая с лимоном! А там, глядишь, и тучи разбегутся».

Внимание привлек красочный стенд, предлагавший совершить автобусную поездку по городу с посещением Петропавловской крепости. Успела записаться по телефону, перекусить в небольшом, но дорогом кафе, и вспрыгнула одной из последних туристов на ступеньку автобуса. И, о чудо, восточный ветер сноровисто угнал беспокойные тучи в сторону Балтийского моря, а выглянувшее в просветы солнце напомнило, что на нарядных улицах все еще царит лето.

Зонтики тотчас же исчезли в пакетах и сумках, холодные капли с аккуратно постриженных деревьев еще продолжали искать свои жертвы, но Нина быстро согрелась во влажном полумраке автобуса, почти забыв о нотариусе и наследстве.

Этот сказочный пролет по улицам с живой историей, возвышенная торжественность выдающихся дворцов и соборов, мостов и набережных ослепляли своей, не передаваемой словами парадностью, гармоничной, ошеломляющей красотой.

И, когда заканчивали осмотр казематов Петропавловской крепости, вдруг раздался неожиданный телефонный звонок. С легким напряжением, словно раздумывая и сомневаясь, продолжать или нет свой монолог, неизвестный человек че-

рез короткие секундные паузы представился:

– Извините, Нина Сергеевна! Мое имя вам мало что скажет! Яковлев Денис Иванович, старинный друг вашей тетушки Твердовой Ирины Александровны, которая именно на вас составила завещание. Не пугайтесь, пожалуйста, но нам с вами необходимо сегодня обязательно встретиться.

Спросить в лоб: «Зачем?» – Нина такую бестактность позволить себе не могла. Но откуда совершенно незнакомый человек узнал номер ее телефона? Возможно, сработала какая-то связь с нотариусом? А вдруг он из тех родственников, которые остались без наследства, и которые теперь всеми способами будут стремиться его вернуть?

Но, с другой стороны, не надеясь больше на скрытного, себе на уме нотариуса, интересно было бы пообщаться с человеком, близко знакомым с тетушкой Ириной Александровной.

Из рассказов бабушки эта ветвь родства по материнской линии слабо прослеживалась, потому что еще до революции один из дальних родственников бабушки переехал из Москвы в Петербург, окончил университет и стал практиковаться в качестве врача. Женился поздно. Двое детей появились до начала первой мировой войны. Доктора призвали в действующую армию, где он был ранен и попал в германский плен. После возвращения из плена в 1919 году попал в Красную Армию, но после того, как заразился тифом и чудом выжил, вернулся домой в Петроград, снова работал врачом.

Оба сына стали военными, сражались на разных фронтах и погибли во время Великой Отечественной войны. Их семья и жена врача погибли во время блокады Ленинграда. И только после войны доктор отыскал в детском доме в Нижнем Новгороде чудом выжившую и вывезенную из осажденного города трехлетнюю внучку Ирину, дочь старшего сына, которая стала, как и дед, врачом.

Редкая связь поддерживалась с Ириной только почтовыми открытками к красным дням календаря. Бабушка всю жизнь страстно мечтала увидеть город на Неве, но стесненность в средствах, вечная нехватка денег не дали возможности исполнить эту мечту. Заменой стали две поездки по профсоюзным курсовкам в санатории Сочи и Кавказа за всю долгую жизнь и в дом отдыха в Подмосковье.

Тетя Ира приезжала в гости в село только один раз сама, когда самой Нины еще не было даже в проекте: матери Нины только-только исполнилось пятнадцать лет. Весной все грунтовые дороги тогда развезло, речка вышла из берегов, и дедушка специально договорился со знакомым шофером из райкома партии, чтобы встретить гостью на станции с поезда на райкомовском вездеходе. Время для поездки было выбрано явно неудачно. Тете Ире специально купили высокие черные резиновые сапоги. Бабушка за ночь связала толстые шерстяные носки из овечьей шерсти, отдала свой прорезиненный парадный плащ и белую пуховую косынку.

И мать Нины часто вспоминала, как не выдерживала

пронзительного северного ветра, бросала гостью на высоком берегу степной разбушевавшейся реки Еруслан, по которой догоняли друг друга тяжелые почерневшие льдины. А молодая тетя Ира, высокая, худенькая, могла стоять часами одиноко, спиной повернувшись к северу, провожая устремившиеся к далекой Волге нетерпеливые волны, несущие ветки, бревна, хлопья грязной пены.

Нина очнулась от своих воспоминаний. Неизвестный человек терпеливо ждал ее ответа, неизвестно, где находясь. Может быть, он, вообще, рядом с ней, в одном автобусе? От этой мысли стало непривычно тоскливо. Сказала решительно:

– Хорошо, где мы встретимся? Сразу предупреждаю: вид у меня не парадный. Я сейчас на экскурсии по городу. И, если честно, чертовски, устала от избытка впечатлений.

Незнакомец вежливо перебил:

– Я вас задержу на полчаса, не более. Мне нужно передать вам ключи от квартиры. По желанию Ирины Александровны я сменил замок сразу после ее смерти.

– Но это противозаконно! Нотариус предупредил, что мне придется ждать три дня. Да, встречный вопрос: откуда у вас мой номер телефона?

– На все ваши вопросы я отвечу при личной встрече. Ровно через час я жду вас у памятника Медному всаднику.

– Интересно, как вы меня, а я вас узнаю? Вы, случайно, не из полиции?

– До встречи через час. Вас мне очень подробно описали, мимо я не пройду.

«Сейчас бы чашку крепкого сладкого чая с лимончиком, пирожок, нет, два пирожка с капустой и картошкой, сменить джинсы на приличный деловой костюм с парадной блузкой, чтобы не выглядеть синей вороной среди потока нарядных прохожих, сразу же обновленных после прекратившегося дождя. И никаких ключей от незнакомца! Что-то не нравится мне этот петербургский вариант начинающейся детективной истории. Ладно, схожу на встречу, как есть, а потом будут тебе и горячие пирожки. Может быть!».

Глава 2. Незнакомец

Исаакиевский собор возвышался так монументально и величественно на фоне дивного простора площади и Невы, невольно притягивая взгляды всех любующихся туристov и стремительных прохожих, что Нина буквально забыла, зачем она оказалась здесь, в самом центре северной столицы. Нет, ее никогда не привлекало всеобщее помешательство населения на селфи, упорное увековечивание своей собственной персоны на фоне исторических зданий, в обществе знаменитости, рядом с друзьями.

Но сейчас она не жалела свой далеко не новый телефон, выбирая наиболее интересные ракурсы, и вздрогнула, когда сзади ее окликнули негромко:

– Нина Сергеевна, ау!

Резкий поворот на сто восемьдесят градусов, и в метре от нее – спортивная подтянутая фигура незнакомого высокого дяденьки в светлых брюках, белоснежной футболке с короткими рукавами, без привычных выбросов непонятных английских словосочетаний на груди, в белой бейсболке —настоящий участник международной встречи по большому теннису. Рыжая бородка обрамляла подбородок, рыжие густые брови и аккуратные усы, зелено-рыжие глаза, нос с несколько широкими ноздрями, полоска упрямых губ –этакий скандинавский викинг лет под сорок или чуть мень-

ше – смотрел на нее изучающее, пристально, слегка прищурившись. В руке – черная кожаная куртка.

– Вы родственник Ирины Александровны? – Нина сразу перешла к атаке, внезапно почему-то пожалев, что согласилась на эту встречу. Внутренний голос, который жил в ее непокоренной душе всю сознательную жизнь, сразу выдал неудовольствие и укор: «Зачем согласилась прийти? Смотри, чтобы потом не жалеть!»

– Нина Сергеевна! Если вы устали, давайте посидим в кафе и побеседуем спокойно.

– Нет, я предпочитаю прогулку по Дворцовой набережной всем забегаловкам. И за полчаса, я думаю, все назревшие вопросы мы сумеем разрешить! – настойчивый, какой-то насмешливо-испытующий взгляд незнакомца явно смущал ее. – У вас вопросы ко мне по поводу наследства?

– Меня зовут Денис Иванович. Житель Санкт-Петербурга, но в последние пять лет чаще живу во Франции, в пригороде Парижа, чем на родине. Друг погибшего в Альпах при восхождении единственного сына Ирины Александровны, Константина. К наследству никакого отношения не имею. Но есть у меня несколько поручений Ирины Александровны, которые я обещал ей исполнить. Последние просьбы, когда всем стала ясно, и ей, в первую очередь, неизбежность ухода. Вы верите в Бога?

Нина смутилась и не смогла скрыть своей зловредной привычки заливаться краской по самому обычному поводу, как

подросток:

– Извините, Денис Иванович, но вы не обязаны излагать мне свою автобиографию. Просто меня немного обескуражил ваш телефонный звонок. Вы знакомы с нотариусом?

– Конечно! Именно я привозил его к Ирине Александровне, чтобы он составил завещание с ее слов. Последний месяц я, вообще, жил у нее в доме, следил за тем, чтобы нанятая прислуга и приходящая медсестра выполняли все установки лечащего врача. Так получилось.

– А почему она вспомнила про меня? Ведь я ее никогда в жизни не видела?

– Ваша бабушка прислала однажды по просьбе Ирины Александровны большую бандероль с фотографиями всех членов семьи. На одной фотографии была изображена девочка лет десяти – это были Вы. И тогда Ирина Александровна сказала: «Эта девочка – продолжатель нашего рода. Неисповедимы пути господни». Вы возьмете сегодня ключ от квартиры?

– Нет, конечно!

– Тогда, извините, я сейчас позвоню нотариусу. Возможно, он изыщет возможность, чтобы не затягивать процедуру. Одну минуточку!

Набрав номер, Денис Иванович автоматически снял свою бейсболку, и, стоя вполоборота к Нине, внимательно выслушивал разъяснения человека, с которым связался. Усиливающийся ветер с Невы забрасывал рыжие кудрявые пряди чу-

ба ему настойчиво в лицо, и незнакомец тыльной стороной ладони пытался их придержать, одновременно закрываясь от нежарких лучей готового закатиться солнца.

Что-то явно взволновало собеседника Нины, потому что он, отвернувшись к полноводной Неве, несколько минут молчал, размышляя, потом решительно выпалил:

– Нина Сергеевна! Наш уважаемый нотариус в некотором смущении, и поэтому решил на несколько дней отложить саму процедуру вступления вас во владение наследством. Об этом он должен вам сообщить завтра утром повторно. А сегодня он меня, так сказать, отправил на разведку, чтобы подготовить Вас. Согласно статье 333.24 «Размеры государственной пошлины за совершение нотариальных действий», за совершение нотариальных действий нотариусами государственных нотариальных контор и (или) должностными лицами органов исполнительной власти, органов самоуправления, уполномоченными в соответствии с законодательными актами Российской Федерации и (или) законодательными актами субъектов Российской Федерации на совершение нотариальных действий государственная пошлина уплачивается в следующих размерах: пункт 22 – за выдачу свидетельства о праве на наследство по закону и по завещанию: детям, в том числе, усыновленным, супругу, родителям, полнородным братьям и сестрам наследователя – 0,3 процента стоимости наследуемого имущества, но не более 100 тысяч рублей; другим наследникам – 0,6 процента наследуемого

имущества, но не более одного миллиона рублей». Нотариуса смутила при сегодняшней встрече ваша абсолютная безмятежность и невозмутимость при озвучивании этой статьи. Вы даже не удивились и не уточнили нужную сумму. Поэтому он решил дать вам время на нахождение денег на оплату госпошлины.

Нина резко перебила:

– Что? Но у меня нет таких денег!

«Вот это настоящий шок! Заслушалась словами о тысячах и квартире, сразу отключилась, улетела в своих мечтаниях и прослушала главное. Никто тебе бесплатно обещанное по завещанию имущество на золотом блюдечке не поднесет! За все надо платить бешеные деньги, которых у тебя просто нет!».

– И какую сумму мне нужно выложить, чтобы завтра вступить в наследство, говоря Вашими словами?

Денис Иванович достал телефон, отвлекся для вычислений:

– Сумма достаточно приличная: где-то около девяноста или ста тысяч рублей. Трехкомнатная квартира по кадастровой стоимости проходит где-то в пределах одиннадцати – двенадцать миллионов. Но фактическая рыночная стоимость в разы выше. Свои деньги в любом случае Вы обязательно вернете! Не сомневайтесь! Если позволите, я могу завтра заплатить за Вас государственную пошлину, а Вы позже со мной рассчитаетесь, когда вступите в наследство. Ири-

на Александровна предвидела такой оборот событий, поэтому просила меня посодействовать вам.

Нина со свойственной ей решительностью схватила незнакомца за локоть, но через секунду, опомнившись, извинилась:

– Простите, пожалуйста, но меня смущает некая театральность происходящего! Обескураженный нотариус, который даже не пытался скрыть разочарование и недоумение при моем появлении, явная ваша заинтересованность, чтобы спихнуть многомиллионное состояние деревенской простушке, свалившейся на вашу голову из степных просторов правления некогда древней татаро-монгольской орды, – согласитесь, повод для некоторой обеспокоенности имеется. У меня такое чувство, что кто-то меня просто разыгрывает: в шутку, всерьез – пока непонятно. Кто и для чего? Мне очень хочется вам верить, но мы же – взрослые люди, и давно перестали верить в чудеса. Поэтому до свидания, до встречи завтра на территории уважаемого нотариуса. Возможно, я просто откажусь от столь увлекательного развития событий, от таинственного наследства, которое кому-то более интересно, чем мне.

Нина уходила от сверкающего великолепия Зимнего дворца, чувствуя спиной, всем своим существом пристальный взгляд незнакомца Дениса Ивановича, который, возможно, мысленно посылал ей совсем не миролюбивые эпитеты, удивляясь беспросветной тупости этой провинциалки,

на которую свалилось неожиданное богатство.

Когда переходила улицу перед носом взмыленной от скорости, готовой в сотые доли секунды сорваться с места и ринуться вперед по сигналу светофора, своры новейших машин, вдруг испугалась:

«А вдруг она кому-то перешла дорогу с этим наследством? Легкий, небрежный толчок стремительно улетающей новинки зарубежного машиностроения, и вместо голодной туристки – бездыханный, обезображенный труп, который, пока не появится из Краснодара милая мамочка со своим новым мужем, будет валяться в холодном подzemелье морга».

Она так явно представила себя в луже крови с отлетевшей в сторону черной сумочкой, толпу любопытных, испуганных людей вокруг, которые на минуту притормозили, а потом, мысленно перекрестившись, рванули дальше по своим делам, радуясь, что их миновала на этот раз печальная участь, что забыла о пирожках с капустой и картошкой. И, купив бутылку с ряженкой и мягкий, белый, ароматный батон в небольшом магазинчике, с непонятным удовольствием закрылась в своем маленьком номере, включив далеко не современный, почти домашний телевизор.

Участвовать в детективной истории расхотелось. Жила бы спокойно в деревенской тиши, наслаждалась пыльной жарой уходящего лета, варила бы ароматные кетчупы, закручивала в стеклянные банки быстро созревающие на грядках помидоры, баловала бы себя варениками с малиной и смороди-

ной, в ночном звездном небе отыскивая такие далекие одинокие созвездия, и радовалась бы оживленным голосам в телефоне отдыхающих в Лазаревском у бабушки двух дочек.

И, уже засыпая, вдруг представила себя в мятых джинсах и синей ветровке рядом с элегантным, чистеньким, ироничным и примечательно рыжим наполовину соотечественником, а наполовину иностранцем, которому ничего не стоило предложить незнакомой уставшей женщине сто тысяч рублей, от которых эта идиотка гордо отказалась.

А Денис Иванович в это время думал о ней. Глядя на постоянно напряженные, неукротимые волны Невы, провожающие с тревогой любое судно, он вспомнил с некоторым сожалением лазурный, брошенный им несколько дней назад, сказочный берег волшебной Италии.

Ровно неделю назад нотариус, действительно, позвонил ему и, узнав, что Денис Иванович нежится на пляже в Неаполе, спросил с заметной завистью в голосе, какая сейчас температура воды в море. А потом своим монотонным голосом напомнил о приближении срока вступления в наследство некой Соловьевой Нины Сергеевны, проживающей по адресу: Волгоградская область, город Николаевск, и о просьбе уважаемого Дениса Ивановича напомнить о столь торжественном моменте. А Денис Иванович тогда только что вылез на прекрасный берег из слегка взволнованной с утра морской купели и откровенно чертыхнулся про себя:

«Совсем память отказала в этом чарующем своим вели-

колепием городе! Сейчас позвоню, и пусть господин нотариус сам, без моего участия, встречает эту деревенскую деву и разруливает сложившуюся ситуацию. Терять целую неделю законного отдыха в этом благословенном краю, когда намечается продолжение интересного пляжного знакомства с перекрашенной в русый цвет итальянкой, гидом крупной туристической фирмы, и опять нырять морозящую, дождливую атмосферу Санкт-Петербурга вовсе не хотелось».

Денис Иванович сел на топчане. Память услужливо отодвинула в запасник мозга вдруг многообещающие томные взгляды, большую, уже слегка отвисшую грудь новой знакомой, ее проступающие у корней отросшие, темные волосы типичной брюнетки, которая, возможно, выдаст знание особых сексуальных приемов, если после посещения ресторана совершенно случайно окажется сегодня ночью у него в номере отеля. Пляжный роман на неделю, конечно, развлечет его ненадолго, но продолжение вряд ли получится.

В свои сорок лет Денису Ивановичу удавалось уже практически с первого взгляда предсказывать самому себе дальнейшее развитие сюжета каждого завязавшегося романа с прекрасными незнакомками. Молоденькие, прилипчивые вертихвостки разных национальностей никогда его не привлекали в силу почти полного отсутствия у них интеллекта, из способностей которых можно было выделить только две особенности – смазливость и полную уверенность в собственной неотразимости.

Скучающие сотрудницы офисных учреждений, разведенные дамы, блистательные жены стареющих государственных деятелей и бизнесменов преклонных лет упрямо «клевали», но без особого успеха, на яркую внешность русского ученого, свободно говорившего на пяти европейских языках. Но выросший в семье дипломата Денис Иванович всегда умел вовремя остановить набирающие темпы выдуманных или кажущихся страстей, развлекающихся мадам, понимая, что лишние проблемы только навредят его успешной заграничной карьере. Работа над кандидатской диссертацией, начатая еще в Санкт-Петербурге, требовала достаточного времени, которое он проводил в крупнейших библиотеках Парижа и Берлина. Но иногда никак не мог устоять под натиском женского обаяния, срывался, за что позже себя откровенно казнил. Какой-то рассудительный внутренний голос всегда тормозил эту его прищипоренность в отношениях с женщинами, и тогда Денис Иванович ставил сам себе открытый вопрос ребром:

«А ты желаешь видеть ее ежесекундно рядом, чтобы она принимала утром душ после тебя, чистила зубы, справляла нужду, приставала со своими проблемами за завтраком, заглядывала в твой телефон, плелась хвостом на все заранее запланированные встречи?».

Радости от такой интересной, нарисованной правдивыми красками обыденности жизни что-то не отсвечивалось.

Он достал из сумки записную книжку, прочитал отмечен-

ные, заинтересовавшие его строки из давно забытой статьи о взаимоотношениях двух влюбленных:

«Когда люди ощущают эту химию, они оба стараются беречь чувства друг друга! Другой не исчезнет внезапно, потому что чувствует, как будет больно вам. Другой не оставит без ответа ваше обращение, потому что бережет ваше отношение и ваше настроение. Другой не будет настаивать на свободных отношениях просто потому, что он не может ни о ком думать, кроме вас. Другой будет мысленно все время с вами, и вы будете чувствовать это. Вы не будете волноваться о том, есть ли между вами связь, потому что будете постоянно получать подтверждения чувств и эмоций, связанных с вами. Другой будет с вами искренним и откровенным, и вы захотите быть таким же. Мне кажется, мы попадаем во всякую ерунду только по одной причине: мы не имеем терпения дождаться Того Самого человека».

Эти строчки он процитировал когда-то при встрече в Санкт-Петербурге Косте, своему другу, который пожаловался на свою мать, требующую более серьезных отношений с женщинами для продолжения своего рода.

– Мы, что, князя с историческими фамилиями и знаменитыми замками, чтобы переживать за возможное прерывание династии? Да, моя мать только чудом осталась жива в блокадном Ленинграде, когда погибли все родные. И чудо, что дед нашел ее в детском доме после войны. Но почему мать с отцом ограничились появлением только меня одного?

И я вырос в семье без братьев и сестер. Если честно, завидую тебе, потому что у тебя есть младшая сестра и двое племянников. И я почти уверен, что обязательно встречу ту единственную женщину, которая меня где-то ждет.

Воспоминания о Константине сразу заставили забыть о предстоящей встрече с заводной итальянкой, которая, фактически обнаженная, сама начала приставать со своими историческими лекциями у кромки набегающего осторожного прилива.

«Сволочь ты, Денис Иванович, – другие матерные слова не позволило присвоить себе домашнее воспитание, но они вертелись на языке, – полгода прошло после смерти Ирины Александровны, а ты тут рассиропился в сущих тропиках возле потухшего вулкана Везувия! Так и не дождалась она наследников от Кости. И кроме меня и нашей семьи, кто еще помянет ее добрым словом? Коллеги? Ирина Александровна сразу после гибели Кости ушла с работы на пенсию. Может быть, в поликлинике еще остались сотрудники, кто ее помнит? Ведь на похоронах, кроме соседей, были какие-то мужчины и незнакомые женщины. Все, звони в аэропорт, заказывай билет до Санкт-Петербурга! Да, и еще эта женщина из Тьму-Таракании, которой мать Кости завещала в наследство все свое имущество? Явится с тысячей рублей в кошельке, вот и будет облом полный. Умная Ирина Александровна все заранее предвидела. Ты – ее душеприказчик и обязан выполнить все ее просьбы. Мужественная была женщи-

на! И мужественно готовилась к уходу, когда у нее выявили раковую опухоль на последней, четвертой стадии. Почти до самого конца была в сознании, без истерик и слез».

Денис Иванович прислонился к всемирно известной решетке Летнего сада. Прогрогнув, натянул кожаный пиджак, усмехнулся:

«А зубастой оказалась эта дальняя родственница Ирины Александровны! Приехала за тридевять земель и сомневается, думает, что ее кто-то разыгрывает. Невзрачная, невидная, обычная простушка, хотя такое чувство, что где-то с ней уже встречался, хотя это маловероятно. Ей бы подняться на шпильках сантиметров на двенадцать, снять эти мятые дешевые джинсы! Добавить немного косметики, приличный маникюр, дорогую сумку – сошла бы за мою землячку с окраины Питера. И все равно я ее уже где-то видел! Вопрос только – где? Ну, точно, не во Франции. Может быть, в Германии? Там – простота в одежде, никто особенно не наряжается, особенно летом. Нет, зря я о ней так пренебрежительно. У нее удивительно большие, серьезные, карие глаза, и взгляд сразу наповал! И тонкая, нежная, почти прозрачная кожа на щечках. А как эта Нина удивительно краснеет! Сразу становится лет на десять моложе! Стоп! Вспомнил! Я видел ее изображение на двух картинах Константина! Называется, приплыли! Константин верил в сны. Может быть, именно такой он увидел свою избранницу и будущую жену? Но при чем тут эта Нина Сергеевна? Не верю я во все

эти метаморфозы с переселением души из одного тела в другое! И Ирина Александровна была убежденной христианкой. Ладно, доживем до завтрашнего утра. Как там говорят: будет день, и будет пища».

Глава 3. Наследство

Утром, основательно промерзнув под порывами северо-западного беспокойного ветра, Нина стремительно летела по Невскому проспекту в толпе, вся отутюженная, в современном светлом костюме, с выигрышной длиной юбки в стиле Шанель, чуть-чуть закрывающей колени, с выющимися до плеч от мягкой воды без всякой завивки волосами.

И эта ее внезапная перемена в облике за одну ночь очень явно отразилась удивлением на лицах обоих мужчин, когда Нина открыла дверь. Нотариус снял очки, видимо, страдая в своем возрасте старческой дальновзоркостью и имея возможность без линз разглядеть приятную внешность вчерашней посетительницы. Денис Иванович приподнялся и предупредительно подвинул Нине тяжелый стул.

– Вы имеете возможность сегодня или завтра заплатить государственную пошлину в установленном размере? – нотариус вновь водрузил очки на нос, раскрыв папку с документами.

– Если Денис Иванович не передумал за ночь и готов мне помочь, то «Да!». А если передумал, то «Нет!», и мне потребуется некоторое время, чтобы получить нужную сумму в государственном банке.

Денис Иванович снова встал:

– Я очень рад вашему решению, Нина Сергеевна! Утро

точно мудрее вечера! Думаю, что с помощью нашего уважаемого нотариуса эта процедура не займет много времени.

Он открыл небольшую, но вместительную кожаную спортивную сумку на длинном ремне, и неторопливо выложил перед нотариусом приличную кучу запечатанных в пачки купюр разного достоинства. И опять вся эта процедура пересчета денег нотариусом, оформление и подписание расписки, раскрытая жадно пасть большого старинного многопудового сейфа, проглотившая и деньги, и документы, напомнила эпизод какого-то криминального детективного фильма, в который она добровольно попала в качестве, возможно, главной героини.

Ровно через полчаса нотариус вручил Нине файлы с документами и плотный белый запечатанный конверт, в котором оказался большой, похожий на отвертку с острым концом, металлический ключ от квартиры.

Молоденькая секретарша принесла на подносе три миниатюрные чашки из тончайшего фарфора с кофе. Мужчины заговорили о каком-то общем знакомом, а Нина почувствовала напряжение, словно она опять оказалась в непривычной роли на сцене какого-то театрального спектакля, где вынуждена говорить чужие, кем-то продиктованные слова, и делать вид, что она в восторге от непривычной горечи обжигающего напитка без сахара и молока или сливок.

«Ломаю комедию – мелькнуло в сознании, когда она постаралась с самой любезной улыбкой попрощаться с нотари-

усом, понимая, что он просто на отлично выполнил свою работу, получив в общую копилку конторы приличный взнос и закрыв очередное дело».

Отделаться так же просто от Дениса Ивановича не удалось. По адресу квартиры, записанному в документах и на конверте с ключом, она могла свободно добраться на метро до нужного района. Но на пороге нотариальной конторы Денис Иванович так предупредительно-любезно взял ее под руку, что, почувствовав силу накаченной мужской руки, ненавязчивый запах незнакомой, парфюмерной, мужской воды, сразу вспомнила, что вот уже семь лет никто из мужчин не прикасался к ней.

После того, как доблестный бывший муж, однокурсник, растаял на просторах необъятной страны после развода. Тогда они оба поняли, что эйфория юношеской влюбленности и студенческой непритязательности жизни ничего не имеет общего с постоянным топтанием друг около друга, приобретением подряд двух дочек-погодков, нехваткой денег из нищенской учительской зарплаты на съём маленькой квартиры и элементарную еду в большом промышленном городе.

Сгоряча переехала в небольшой приволжский городок домой, к матери, потому что в одной из двух средних школ нашлись часы по русскому языку и литературе. Сразу решился жилищный вопрос. Старый бабушкин дом никто не желал покупать, ведь молодежь замахивалась на строительство двухэтажных современных коттеджей со всеми удобствами,

и он ее дождался. Дочек сразу же записали без очереди по льготе для учителей в прекрасный новый, детский сад. Все со временем устаканилось, кроме личной жизни.

Разведенный с матерью отец, приехав однажды из Норильска, еще до создания новой семьи, помог благоустроить под жильё своей любимой, единственной дочери, бывший кулацкий дом бабушки, а потом, попав в сети новой пылкой любви к юной красавице, быстренько поставил крест на старой семье и больше не появлялся.

Мать, привлекательная хохотушка и умелая хозяйка, отдохая в круизном путешествии по Волге, увлеклась пожилым военным и переехала к нему в Краснодарский край, продав свою квартиру в пятиэтажке.

– Нина Сергеевна! Моя машина ждет нас в переулке. Вам, наверное, не терпится своими глазами увидеть загадочное наследство? Думаю, что некоторые подробности жизни ваших родственников, о которых вы сможете узнать только от меня, вас несколько удивят. Итак, мы едем?

– Хорошо, я согласна. Но, если честно, мне просто неудобно вас опять напрягать. А вы не бойтесь, что я, получив наследство, благодаря вашим деньгам, просто, как выражаются мои продвинутые старшекласники, кину вас? И вам придется разыскивать меня по всей нашей огромной стране с помощью судебных приставов. Или рвану с миллионами за границу.

Денис Иванович рассмеялся:

– Нет, вы совсем не похожи на отчаянную авантюристку! Знаете, что в вас поражает? Вы удивительным образом улетаживаетесь из общества своего собеседника, растворяетесь в своем воображении или мечтах. Вроде вы стоите рядом, смотрите вдаль, вас держишь под руку, но вдруг чувствуешь, что вас нет! Разве я не прав?

Нина покраснела:

– Извините, пожалуйста, но мне не хочется злоупотреблять вашим временем и вниманием! Если бы получить сегодня в банке и отдать вам эту колоссальную сумму, которую вы мне заняли, я бы сразу успокоилась! Но это будет возможно только завтра, как сказал нотариус. Я согласна. Действительно, нужно хоть одним глазком глянуть, как жили те-тя Ира с сыном! Если это не сон, то поехали!

Денис Иванович привычно и уверенно вел свою светло-серую импортную машину непонятной марки, изредка указывая на мелькающие за стеклом старинные здания. Он был хорошо знаком с достопримечательностями города, по-видимому, любил его, и Нина, откинувшись в удобном кресле, вдруг почувствовала невольное притяжение к этому незнакомцу, словно улетающие под колесами километры асфальта и время, проведенное совместно, прессовали невидимую клейкую ленту, закручивающую их судьбы в неразделимый кокон.

Город отдыхал от вчерашнего беспощадного ветра и дождя, нежась в лучах негорячего северного солнца, и, ко-

гда машина остановилась, наконец, под разросшимися липами у старинного трехэтажного особняка явно дореволюционной постройки, Денис Иванович, повернувшись вполоборота к Нине, сказал: «Приехали!», она вдруг испугалась.

Прошло всего полгода, как умерла Ирина Александровна, но все равно любое жилище, вещи помнят своих хозяев, хранят тепло их прикосновений, звуки их голосов, тайные и явные помыслы и свидетельства их любви и привязанности. И сейчас она, чужачка из дальних родственников, должна перешагнуть порог в неведомую запретную территорию, где прошли чьи-то детство, отрочество, юность, зрелые годы.

Наверное, поэтому при покупке любой квартиры новые хозяева обязательно затевают грандиозный ремонт, меняют окна и двери, натягивают дорогие потолки, безжалостно выбрасывают оставшуюся мебель на мусорку, чтобы только избавиться от неявного присутствия бывших жильцов.

– Денис, мне почему-то страшно! – прошептала Нина.

Они поднялись на третий этаж по широкой деревянной лестнице со старинными чугунными перилами, остановились перед двухстворчатой вишневой дверью с необычной, литой из металла ручкой. И Нина в растерянности схватила своего спутника за запястье правой руки, забыв об отчестве, словно они уже давно и уверенно перешли от притворно-дипломатичной манеры общения к обычному диалогу двух старых знакомых.

Денис Иванович первым шагнул в прихожую, нашарил

в полной темноте выключатель, но лампочка в настенном бра только на секунду осветила узкое пространство на стене и, сиротливо пыхнув, погасла. И опять в узкой полоске света с лестничного пролета в прихожей замерла только фигура мужчины.

– Нина, подождите меня на лестнице! Я сейчас открою окна и проветрю все комнаты! – но Нина шагнула за ним в черноту, почему-то опасаясь, что неизвестная пустота квартиры вдруг проглотит ее спутника навсегда.

Спертый, застоявшийся воздух нежилого помещения долго не желал улетучиваться из просторной гостиной, даже когда Денис Иванович торопливо раздвинул тяжелые бархатные шторы и распахнул створки неожиданно современных пластиковых окон.

В обстановке большого зала царил явная привязанность бывшей хозяйки к сохранению старины. Высокая коробка напольных часов с большим металлическим маятником соседствовала с дубовым элегантным стеклянным шкафом, так называемой горкой для посуды, где были выставлены хрустальные изделия и старинный фарфоровый столовый сервиз с вычурной супницей.

В углу чернело большое пыльное пианино. Необычную высоту комнаты подчеркивала достаточно массивная хрустальная люстра. Диван, накрытый обычной льняной простыней, тоже вблизи поражал своими изящно изогнутыми спинкой и боковыми кресельными ручками. На полу попе-

рек комнаты лежал свернутый в громоздкий рулон напольный ковер. Дальше обзор пришлось прекратить, потому что Денис Иванович взял Нину запросто за руку и потянул к открытому окну:

– Посмотрите, какой отсюда открывается прекрасный вид! Дом находится практически недалеко от устья Большой Невки, почти на берегу Финского залива! Здесь такие штормовые ветры гуляют в непогоду, что ночью чувствуешь себя иногда, как на малом судне в открытом океане. Как вы относитесь к живописи?

Денис Иванович стоял рядом с ней у открытого окна. Сквозь тонкую ткань рукава она чувствовала разгоряченную кожу его плотно прижатой к ее руке слегка мохнатой с рыжинкой руки. И эта обособленность их в пустой квартире, где никто не услышит ее криков о помощи, если вдруг этот чужой сильный мужчина задумает и попытается осуществить какое-нибудь насилие, ее смутила.

«Чертова деревенская кукла, никогда и никем не пуганная в своем захолустье, где до сих пор ученики, не боясь, ходят с учителями без охраны в многодневные походы по родному краю, родители отпускаю ребятишек одних купаться на речку только в обществе ровесников, а девушки отдаются любимым только по взаимному согласию. Рви ты свои коготки назад в гостиницу и сиди там безвылазно. Или скройся на экскурсии по Царскому Селу, Эрмитажу или Русскому музею, но без общества Дениса Ивановича. Бог с ней,

с квартирой! Ведь это знакомство так неожиданно вывернулось во взаимную симпатию, точно ты знакома с ним тысячу лет, и уже спокойно подчиняешься всем его предложениям. Просто невероятно, но он мне сразу понравился! А это может привести к непредсказуемым последствиям! Извинись и скройся!».

Нина решительно шагнула к большому круглому, полированному столу на середине зала под люстрой:

– Почему вы спросили о живописи? Меня ждут еще какие-то сюрпризы?

Денис Иванович потер в задумчивости лоб, а потом проворчал еле слышно в глубокой растерянности:

– Пока для меня главный неожиданный сюрприз – это знакомство с вами.

– А мне уже пора на экскурсию в Эрмитаж! – Нина решительно направилась к входной двери.

– Вы не хотите закончить осмотр квартиры? Но ведь я не успел показать и рассказать вам самое главное.

– Извините, но мне не хочется менять свои планы на сегодняшний день. И у меня от всего напряжения очень сильно разболелась голова! Нужно выпить таблетку цитрамона и крепкого сладкого чая! А осмотр квартиры закончим завтра утром, если у вас найдется время!

Они отчужденно молчали в машине до самого отеля. Денис Иванович протянул похожий на отвертку металлический ключ, но Нина отрицательно покачала головой:

– Без вас я в квартиру не пойду!

Она полдня потом ругала себя за эти слова, но, рассматривая бессмертные сокровища Эрмитажа, понимала, что остаться одной в чужой квартире, которая ей теперь принадлежала, страшнее, чем боязнь насилия от такого, ставшего внезапно почему-то близким, симпатяги Дениса Ивановича.

Глава 4. Тайна

Утром по деревенской летней привычке, проснувшись в шесть часов, еще полчаса заставила себя просто поваляться на кровати. Жаль, что в современных гостиницах в номерах нет элементарного электрического чайника, чтобы подзарядиться бокалом крепкого сладкого чая, составить четкий план на весь день и целеустремленно его выполнять. И вдруг пришло осознанное желание снова увидеть Дениса Ивановича.

«Не страдай, никуда он от тебя не денется, пока не вернешь ему сумасшедшую сумму, что он тебе передал под расписку. И ключ от квартиры остался у него. И, вообще, чего ты ломаешься перед мужчиной, который тебе понравился? Он наверняка женат, так что хватит краснеть и извиняться каждую минуту. Просто попался тебе на дороге порядочный мужчина, который стремится поскорее выполнить взятые на себя обязательства. Постарайся сегодня завершить все дела, заказать на понедельник билет на поезд, побывать на экскурсии в Царском Селе, Русском музее и отчалить домой поскорее. А то все грядки без полива засохнут. Миллионерша новоявленная! Вспомни мудрость древнюю: „Все неприятности от денег“ – и не выпадай в осадок по поводу всего происходящего. Главное, оставаться самой собой! И чтобы ненароком не прибили из-за этого невозможного

богатства! Кому твои девчонки тогда нужны будут? Да, крепкий чай сейчас бы не помешал!».

У подъезда отеля стояла машина Дениса Ивановича. Нина застыла в растерянности на высоком крыльце, тормознула, потом решительно сбежала со ступеней, открыла дверцу машины:

– Доброе утро, Денис Иванович! Вы тоже остановились в этом отеле?

Ответ обескуражил:

– Доброе утро! Я вас караулю, чтобы не сбежали ненароком. И прошу вас составить мне компанию, чтобы подкрепиться перед началом длинного дня. Какую программу вы составили на сегодня, можно поинтересоваться? Если вас мое навязчивое присутствие раздражает, то вы не стесняйтесь, скажите, и я исчезну. Но есть один момент, о котором я вам просто обязан рассказать. Мы должны вместе завершить осмотр квартиры Ирины Александровны. Это очень важно. Она просила меня обязательно передать вам лично в руки ее записи. А потом я могу заказывать билет на самолет в Париж. Вы мне доверяете? Только честно!

Нина, смутившись окончательно, кивнула:

– Завтракать, так завтракать! У меня, кроме вас, в городе нет знакомых, и до сих пор ваше поведение было безупречно. Да, я вам доверяю! Если вы не будете против, мы можем обойтись без отчества!

Плавнo трoгая машину, Денис Иванович проговорил

негромко:

– Согласен. Но вы продолжаете меня приятно удивлять.

В кафе вкусы заказанного меню неожиданно совпали, кроме черного кофе Денису и зеленого чая для Нины. Диеты обоим не грозили.

После отличного завтрака некоторое время ехали молча, и в сгустившейся напряженной тишине салона вопрос Дениса Ивановича неожиданно удивил:

– Нина, помните, при нашей первой встрече я спросил, верите ли вы в Бога, на который вы так и не ответили? Я его вынужден повторить!

– Я крещена. Мои бабушка и дедушка ходили на службы в церковь. Но, если честно, я не являюсь яркой христианкой. Душой понимаю, что вера поддерживает силы и волю, дает позитивный настрой. Легче переносить болезни и неприятности, когда знаешь, что у тебя есть настоящий защитник, к которому ты привыкла обращаться с верой в его милосердие и справедливость. Когда кто-то болеет, читаешь молитву об исцелении болящего, когда кто-то куда-то уезжает, читаешь молитву о странствующих и путешествующих, молитву за детей, и в сердце воцаряется такая уверенность и такое спокойствие, что ничего плохого со моими близкими и со мной не случится. Иногда я ловлю себя на мысли, что вера в Бога у меня какая-то корыстная, и тогда прошу о милости и прощении, говорю себе: «Иди в церковь, покайся!». Иду, ставлю свечки за здоровье всех родных, за упокой душ

умерших, успокаиваюсь. И опять вечные хлопоты, и заботы загораживают все благие намерения. И только перед сном, сидя на постели в ночной рубашке, опять читаешь «Отче наш» и просишь о милости. Без веры жить невозможно!

Денис Иванович удивленно покачал головой:

– Да, вы удивительно искренний человек. И еще, если позволите, один нескромный вопрос: «Вы замужем?»

Нина рассмеялась:

– Так, ясно! Сначала я думала, что вы из полиции. Теперь поняла, что вы священник. Исповедуюсь дальше. Ровно семь лет нахожусь в разводе. Сейчас мне тридцать два года. Одна воспитываю двух дочерей. Работаю в школе преподавателем русского языка и литературы. Люблю книги, театр и рыбалку. Еще вопросы будут?

Денис Иванович отрицательно покачал головой:

– Нет, вы ошиблись. Я не священник.

Зал с раздвинутыми шторами в лучах разгулявшегося августовского дня уже не выглядел так угрюмо и неприкаянно, как вчера. Оба, не сговариваясь, молча подошли к окну. Денис Иванович снова распахнул створки, и легкая тюль неуправляемо взвилась за их спинами бежевым парусом неизвестного корабля.

– Нина, знаете, мой друг Константин был удивительным художником! Его картины поражают разнообразием сюжетов из самых разных эпох, какой-то яростной правдивостью и тщательностью в написании мелких деталей в одежде, при-

родном ландшафте, в изображении фигур людей. И только матери и мне он признался однажды, что все это разнообразие красок он каждый раз видит во сне. Цветные сны приходят внезапно, без связи с действительностью прошедшего дня. Преломление в сознании захватывает настолько глубоко и волнующее, словно каждый раз какая-то неведомая сила забрасывает его в другое измерение в роли или участника, или действующего лица, и он с жадностью первооткрывателя погружается в стихию действия, не пугаясь открывшейся перед ним панорамы неизвестного времени и места. А утром, проснувшись, с радостью восстанавливает по памяти на холсте моменты прорезавшегося внезапно видения чьей-то прожитой сотни лет назад жизни. Вы готовы увидеть работы Константина?

Нина переспросила осторожно, чтобы не обидеть Дениса:

– А сколько лет было вашему другу, когда он погиб в горах?

– Он не дожил всего месяц до тридцати двух лет. Трагическая несправедливость – внезапный сход лавины в очень снежную зиму, когда он катался на лыжах. Мы нашли его тело только весной. Представляете состояние его матери Ирины Александровны, которая в течение долгих месяцев жила в постоянном ожидании хоть каких-нибудь известий о сыне, надеясь до последнего на благополучный исход и его волшебное спасение. Он не был женат, и матери остались на память только его картины. Нина, пойдёмте в мастерскую Кон-

стантина, где он жил и творил, и сами все увидите.

Вероятно, в далекое дореволюционное время именно эта прямоугольная комната должна была выполнять функции зала для приема гостей, торжественных балов и вечеринок, потому что три огромных окна с овалами под потолок проливали столько света с южной стороны, что комната стала, действительно, прекрасной мастерской для художника.

Большой мольберт с незаконченной картиной юной девушки в длинном холщовом сарафане на берегу незнакомой степной речушки, на фоне убегающего вдаль поля созревающей пшеницы создавали иллюзию распахнутого окна в незнакомой комнате. Эта девочка застыла в ожидании кого-то, кто устремился к ней, и кому она улыбалась радостно и светло.

Нина вздрогнула: на рисунке была изображена она в юности. Но этот старинный русский сарафан до пят, светлая толстая коса, сбегающая на только-только формирующуюся юную грудь – все это откровение и великолепие проснувшегося летнего дня завораживали, заставляя всматриваться в каждую мельчайшую подробность запечатленного пейзажа. И только речка с противоположным берегом и живописными кустами осталась сбоку, справа на картине, печально прозрачной, не дорисованной, с резко очерченными кистью границами, без призывной ласковости завораживающего течения.

– Откуда я здесь? – Нина отпрянула от картины. – Это

невозможно! Мы ведь даже не были знакомы! Честное слово, я никогда не виделась с Константином! Как такое стало возможным?

Денис обнял ее за плечи, прижал к себе, и, оказавшись в кольце его сильных рук, она вдруг почувствовала себя такой же маленькой беззащитной девочкой, как и запечатленная на картине ее копия:

– Ниночка, эти же вопросы я задаю себе постоянно с тех пор, как встретил тебя у памятника Петру Первому! Я был в Париже, когда Константин начал писать эту картину, и увиделись мы только на несколько дней у него в мастерской. Костя погиб зимой, не успев ее дописать! В его картинах столько тайн и неожиданностей! Возможно, мы найдем разгадку в дневниковых записях его матери, которые Ирина Александровна именно тебе просила передать. Неужели именно тебя он тоже увидел во сне? Но причем этот старинный русский наряд? Еще одна загадка? Ты вся дрожишь, моя маленькая светлая пташка! Знаешь, мы сейчас должны вырваться из загадочного, завораживающего своими тайнами лабиринта этой квартиры на простор шикарного зеленого острова. Здесь совсем рядом через мост – парк культуры и отдыха имени Кирова. Побродим по аллеям, покатаемся на лодке, поедим мороженого, пока погода позволяет. В Питере со всей непредсказуемостью севера в любую минуту может зарядить на неделю уже по-осеннему холодный дождь. Ты живешь на юге – тебе этого не понять, как мы радуемся по-

гожим днякам.

Они спустились по лестнице, перешли оживленный проспект, окунулись в прохладу ветерка на широком мосту. И все время Денис Иванович бережно держал Нину под руку, прижимая так крепко к себе ее локоть, словно опасался, что она вдруг опомнится, испарится вместе с завязавшейся с ее приездом какой-то, пока не разгаданной тайной.

Наверное, на фоне безмятежности широких, аккуратно постриженных, зеленых полян парка, в лодке под густыми занавесями развесистых деревьев они с Денисом Ивановичем были похожи на десятки влюбленных пар, скрывшихся от городской суеты в заповедных кущах естественного заповедника. Но, слушая рассказ Дениса об его богатой событиями жизни в Питере, во Франции, отвечая на его вопросы, укачавшись в лодке и закрывая глаза, Нина, как замороженная, вновь и вновь видела себя на картине незнакомого Константина на берегу затерявшейся речки.

Про посещение банка, про возврат долга забыли, погружившись в стремительно набежавшее чувство обособленности от мира, захлестнувшего любопытства, интереса и непонятного притяжения от познания и некоторой близости. Они незаметно перешли на «ты», куда-то пропала скованность, оставив возможность приятельского похлопывания по плечу, дружеского объятия без малейшего намека на сексуальные позывы.

Денис сам себя не узнавал, стараясь вывернуться наизнан-

ку, чтобы уловить в прекрасных, с легкими следами туши на ресницах, внимательных, карих глазах Нины вспыхнувший интерес, удивление или смущение. Он готов был залезть под теннисный стол за улетевшим шариком пинг-понга, читал наизусть стихи Блока и Евтушенко, почти вприпрыжку отправился за мороженым к одиноко стоящему павильончику кафе.

Какая-то бравада из времен давно прошедшей молодости проснулась в этом достаточно стройном для своего возраста, приличном мужчине, который, наверное, катался бы на диване, заходясь в приступах беспричинного смеха, если бы кто-нибудь снял на телефон их с Ниной времяпровождение в парке и показал родным.

Чего он хотел добиться? На этот вопрос в лоб можно было размазывать кашу из слов, но Денис ничего путного не смог бы ответить, смутившись, возможно, кроме одного: он стремился превзойти самого себя, чтобы понравиться Нине. Это звучало пошло, отстойно, как выражается молодежь, но незафиксированное словами желание изменило всю его линию поведения. И Нина расцвела в этом потоке внимания симпатичного мужчины и солнечного удивительного дня.

Нужно время, чтобы из мелких осыпающихся цветков на виноградной лозе при соответствующем уходе проклюнулись невзрачные зеленые ягодки будущих янтарных, сочных, килограммовых гроздей золотистого винограда, которые потом осядут в запечатанных бутылках струями божественно-

го напитка.

– Нина, закончим сегодня осмотр квартиры или оставим все на завтра? – Денис Иванович остановился у своей одиноко брошенной почти на весь день машины. – Предлагаю отметить наше знакомство в приличном ресторане.

– Если честно, я сегодня не засну спокойно, если не увижу другие картины Константина. Но без вас, без тебя, – поправилась она, – я точно одна в квартиру не войду. И любопытно, и страшно одновременно! Ты мне сегодня должен отдать дневник Ирины Александровны! И пока я его не прочту, спать не буду! Извини, но давай доживем до завтра!

Большой платяной шкаф отгораживал часть комнаты, создавая возможность некоторого темного тамбура, в котором прятались от прямых солнечных лучей натянутые на широкие деревянные рейки холсты написанных картин. Их было шесть: пять больших законченных полотен и шестая на мольберте у окна.

Большой раздвинутый диван напротив шкафа, японский телевизор на тумбочке в углу, большой письменный стол, заваленный журналами, коробками с красками – все эта неприхотливая обстановка мастерской подчеркивала, что ее хозяин жил только своим картинами, работая и творя, купаясь в своем воображении. Эта обреченность присуща или гениям, или большим людям.

Денис Иванович предложил выставить для осмотра все картины по периметру комнаты, но Нина его остановила.

Уже первая большая картина смутила и взволновала ее: на мощенной грубыми камнями узкой площади какого-то средневекового замка, на фоне мрачных крепостных стен прикрученная веревками к гладко оструганному вкопанному бревну извивалась в страданиях и мольбах молодая женщина. Вся одежда была порвана и измазана кровью, белоснежная грудь с заметными следами побоев была бессовестно обнажена. Распушенные по плечам светлые волосы струились до обрывков юбки на обнаженных бедрах. На измазанном сажей лице захлебывался в крике разорванный рот, и вырывались из орбит безумные от страха белые глаза. А вокруг, как стая страшных ворон, толпились довольные, сытые мужчины в черных монашеских одеждах.

Нина отшатнулась, зажмурилась, закрыла глаза ладонями. Пронзительные черные и серые краски затопили своей страшной правдой все кругом, кроме кусочка ясного неба в бездонной безопасной вышине.

– Кто эта женщина? – прошептала Нина. – За что ее так наказывают?

Денис поставил картину на стул:

– Если бы можно было вернуться лет на десять назад, когда я считал высшим шиком не лезть к человеку в душу, и самонадеянно изрекал истины, открыто подсмеиваясь над своим юным другом! Понимаешь, Нина, мне нравилось наблюдать, как постепенно на серый невзрачный холст Константин набрасывал вроде бы произвольные мазки самых невероят-

ных красок, и через час затаенного сосредоточения вдруг в самом уголке картины начинала раскачиваться вполне реальная гроздь лесного боярышника. Или явственно струиться вода в реке. Это чудо создавалось на моих глазах, и я не лез к Косте с расспросами, чтобы не спугнуть его творческое самоотречение от действительности в этой штатной мастерской. В отличие от своей собственной манеры болтовней создавать соответствующую атмосферу происходящего события. Эта девушка – тоже плод его изнурительных таинственных сновидений. У Кости никогда не было натурщиц, с которых он мог бы списать свой образ на картине. И на мои не очень приличные намеки по поводу приглашения в дом соответствующих женщин, он просто отмахивался от меня со смехом: «Зачем они мне? Дама моего сердца и так неразлучна со мной каждую ночь. И ты второй, кто с ней знаком». И у меня не хватило смелости тогда спросить, кто она.

– Денис, я больше не могу видеть откровения других картин! Это какое-то наваждение! После ужаса этой картины не хочется жить!

И тут случилось невозможно. Денис властно схватил ее за плечи, притянул к себе и, больше не сдерживаясь, впился в ее губы нетерпеливо, жадно, стремительно. Эта мужская решительность сначала заставила вздрогнуть, дернуться, но пьянящая опытность его губ и жар тела, женская привычка подчиняться более сильному и привлекательному мужчине, унесли Нину на секунды в давно позабытое состо-

ание восторга и неги, когда, подчиняясь естественному зову плоти, женщина теряет голову, не думая о последствиях.

Диван был рядом, они были одни в этой непостижимой близости, и, в последствие, вспоминая эти минуты, Нина отчетливо понимала, что оба хотели тогда отдаться этой вспыхнувшей страсти. Но Денис опомнился, почувствовав инстинктивно, что один половой акт может так и остаться последним, если эта неиспорченная городской многоопытностью сексуальных отношений молодая женщина утром сбежит в свой живописный деревенский рай, проклиная подлеца из-за границы. И, в первую очередь, себя за то, что изменила своим твердым принципам отдаваться мужчине только по большой и верной любви.

– Ниночка, ты права! – Денис Иванович нехотя отпустил Нину из сильных и уверенных рук. – Завтра будет новый день! И я рад, что мы с тобой стали ближе! Вот возьми, моя дорогая, этот запечатанный сверток. В нем ты найдешь откровения Ирины Александровны! И очень прошу: несмотря на то, что ты прочитаешь даже что-то неприятное, дождись меня завтра утром. У меня все время такое чувство, что ты исчезнешь навсегда. Мне еще очень многое нужно тебе сказать.

Глава 5. Дневник

Нина, искупавшись в душе, вытянулась на жестком диванчике. Усталость от такого непривычно растянутого дня звала в мягкую постель, но на журнальном столике рядом с сумочкой лежал плотный белый пакет с новыми загадками или, наоборот, с разгадкой странных картин так рано ушедшего из жизни талантливого художника. Закрыла глаза и тотчас улетела в воспоминания пьянящего восторга от неожиданного поцелуя, мягкой близости жаркого, возбужденного тела сильного малознакомого мужчины, которому она была готова отдаться в чужой странной комнате.

«Больше это не должно повториться! И хватит дрожать в ненасытном желании пролить свою негу и чувственность на первого встречного мужчину! По-другому это называется ветреная женщина, или даже хуже! Что он теперь о тебе думает? Шалашка, как и все одинокие бабы без мужиков! Ага, стыдно стало? Так тебе и надо! Господи! Прости мне все прегрешения вольные и невольные, прости мне мою слабость!».

Руки дрожали, когда маникюрными ножницами и перочинным ножом вскрывала толстую ватманскую бумагу упаковки. Невольно запершило в горле, когда раскрыла сиреневую кожаную обложку толстой общей тетради. И время остановилось, когда погрузилась в откровения одинокой женщи-

ны, изливающейся на потерянных страницах альбома-дневника всю свою любовь и боль к единственному сыну.

«Неужели мой мальчик болен? Откуда свалилась на него эта бредовая напасть непонятных сновидений? Это я виновата, что обрадовалась, когда мужу предложили поехать на работу в Индию в качестве представителя крупнейшего завода. Два года в этой непредсказуемой стране, посещение буддийских храмов в Тибете, путешествие на машине по городам, древнейшая культура, языческие праздники, танцы со смыслом – именно тогда в неокрепшей душе пятнадцатилетнего подростка, вероятно, и произошел сбой в восприятии ценностей мира. Маме, то есть мне, было некогда, лечила чужих детей в госпитале, опасаясь, только, чтобы сын не познакомился с наркотиками – бичом современных стран Востока. Папа пропал на строительстве крупнейшего химического комбината, а сын погрузился в изучение различий множества индийских религий, потом основ йоги и заразился теорией реинкарнации. Он с таким воодушевлением расписывал нам подробности идеи перевоплощения в редкие часы общения все семьей, но мы тогда легкомысленно отмахивались от подростка, в душе которого произошел крутой, поначалу незаметный поворот, который сломал его позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.